

Сегодня. — 1995. — 4 марта. — с. 11.

Творец историй

И. Грабарь. Архитектура Петербурга в XVIII и XIX веках, Пб., Лениздат

Валентин Корнев

той весной исполняется восемьдесят лет с момента прекращения издания «Истории русского искусства» И. Э. Грабаря, называемой обычно первой. Как закончилось это вредное в отечественных условиях предприятие, хорошо известно и описано главой в его воспоминаниях. Иосиф Кнебель, выпускавший «Историю», был австрийским подданным. В мае 1915-го радикально настроенные массы во время какого-то очередного погрома разнесли издательство (к внеочередной бабушке) и перекололи десятки тысяч клише и негативов. Уточнить побуждения, которые ими двигали — антисемитские или же антигерманские, — массы не удосужились. Может быть, решили, что случай вдвойне подходящий. Зато историю на тот свет спровадили.

Очевидно, памятуя столь славное событие из летописаний города, поныне здравствующий «Лениздат» решил выпустить отдельным изданием третий том кнебелевской истории. В Петербурге вообще поставлено дело с переизданиями шедевров истории искусства, примером тому начатая «Мифрилом» вельфлинговская эпопея, о которой «Сегодня» уже писала. Идея выпустить Грабаря — хотя бы том, тешащий петербургский патриотизм, — гораздо более очевидна, но, с другой стороны, гораздо более симптоматична и актуальна для той ситуации, в которой оказалось и продолжает пребывать традиционное отечественное искусствоведение.

Игорь Грабарь был по существу создателем истории русского искусства как таковой. Что было до него? Построенная по суверенному принципу книжка Гнедича. Купцы архитектурные курсы. Приличные труды по отдельным видам искусства и художникам. Поэтому, когда Грабарь приступил к исполнению своего масштабного замысла, современники поняли его далеко не сразу. Мирискусники, например, воспринимали Грабаря по преимуществу как художника (мнение для наших дней не бесспорное), а не историка. Авторы, которых он привлек, надежд почти не оправдали. Одни, вроде Щусева с Покровским, дали какие-то концепты, другие (Павлуцкий) сочинили нечто несурезное, третьи, то есть Врангель, наплодили кучу биографий. А Грабарю была нужна история, как он прямолинейно выражался, «искусство в его поступательном развитии». Он проделал колоссальный и плохо представимый теперь труд по обработке архивов, подбору авторов, втолковыванию им своих требований, редактированию и переразказыванию текстов. А ряд разделов сделал вообще самостоятельно. Среди таковых — том, посвященный архитектуре Петербурга.

После выхода первого тома смысл туманной формулировки прояснился, но публика ударилась в другую крайность. Курбатов, редкий критик, умудрявшийся постоянно писать не в кассу, сказал, что это вообще

не история. И даже попытался пояснить, как бы поступил он сам, оказавшись на месте Грабаря. Щусев, рассердившись на курбатовскую бестолковость, разразился заметкой в «Зодчем», выдержанной в резком тоне, но в отношении оценки «Истории» не менее бестолковой. Короче, полемика завязалась по соседству.

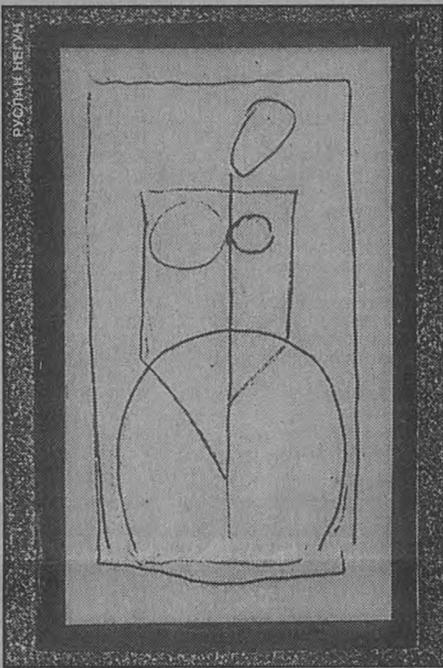
Но и на этом приключения Грабаря не закончились. На склоне лет ему суждено было затеять еще одну «Историю», вторую, которая погрома избежала (по какому-то недоразумению?), но в интеллектуальном плане стала своего рода двойником кнебелевской, с обликом даже местами гротескным.

Игорь Грабарь — человек героического склада. С этим трудно спорить, но такое утверждение в судьбе «Истории» мало что поясняет. Интереснее другое — с кнебелевских времен построение и состав элементов истории русского искусства принципиально не менялся. Ни в древнерусской части, ни в петербургской, где выстроились цепочка от Трезини до Монфер-

рана, перекочевавшая затем в типовые учебники. Это значит, что представления об истории с тех пор тоже не менялись: мы живем, принимая как нечто естественное, эстетику ее восприятия, утвердившуюся в 1910-е годы и рассматривающую любую диахроническую ряды только в совокупном виде. Поиски прошедших времен сами по себе недействительны — как и настоящего. История — не связь, а прежде всего сумма наслаивающихся друг на друга столетий. Последнее в их череде — участник истории, столь же полноправный и значимый, как первые.

Есть еще одна черта кнебелевской истории, довольно очевидная, но как-то с течением лет забытая. Это именно история, меньше всего тяготеющая к энциклопедизму. Справочников хватало и в конце прошлого столетия — не было единой концепции. Однако впоследствии ситуация поменялась на обратную. Наверно, столь силен был импульс, данный Грабарем, что возникли не только первая и вторая история, но вообще написание истории, кратких курсов и т. п. стало для традиционного искусствоведения единственным методом масштабной систематизации знаний. При этом энциклопедии, хандбухи, словари, справочники и т. п. и в грабаревскую эпоху, и позже критиковали за безылейность, отсутствие объединяющего начала. Или, наоборот, пытались таковое во что бы то ни стало придумать, а когда не могли, считали дело безнадлежащим и воздавали в очередной раз хвалу Игорю Грабарю. Сравнимой по качеству и масштабу с грабаревским изданием энциклопедии русского искусства до сих пор не существует. И нет никаких ее предвестий.

После выхода в свет лениздатского фолианта выяснилось, что первая «История» была в своем роде лучшим произведением, шедевром. Разумеется, неповторимым. Если когда-нибудь будет создан третий вариант, он окажется просто смешным (если только минует судьбы более страшной, но в России привычной). Век историй прошел. Начался период каталогов и словарей.

ИЗЯЩНЫЕ ПРАЗДНЕСТВА